

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-66-72

Специфика повествовательной структуры эпилога романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

(к 200-летию со дня рождения)

Елена Юрьевна Геймбух

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, gejmbuh@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2129-9876>

Аннотация. Статья посвящена изучению повествовательной структуры эпилога романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Цель – описание способов реализации завершающего авторского слова. Основные методы анализа текста: общенаучные (наблюдение, сопоставление и др.), общелингвистические (контекстологический, композиционный, структурный и др.), собственно лингвистические (семантико-стилистический, сопоставительно-стилистический, интертекстуальный и др.). Выявление специфики эпилога происходит с учетом своеобразия авторского повествования в основной части «Преступления и наказания»: прежде всего, это «рассказывание», диалогичность, наличие завершающего авторского слова. Сравнительно-сопоставительное изучение двух частей эпилога на фоне остального романа позволяет определить своеобразие повествования в эпилоге. Субъектная и хронотопическая организация финальной части «Преступления и наказания» выводит рассказ на иной уровень: христианская система координат становится основой мировосприятия не только автора-повествователя, но и главного героя (время жизни измеряется по церковным праздникам, «бытовой» хронотоп сменяется «христианским»). Голос автора выражен в эпилоге как непосредственно, так и опосредованно, через иронические и диалогические контексты. Позиция автора реализуется и в выборе слова, и в разного рода символических деталях, и в многочисленных отсылках к предшествующим контекстам, и в интертекстуальных связях романа.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», эпилог, повествовательная структура, завершающее авторское слово, «христианский хронотоп», интертекст

Для цитирования: Геймбух Е. Ю. Специфика повествовательной структуры эпилога романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (к 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 6. С. 66–72. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-66-72.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The specific features of the narrative structure of the epilogue to F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"

(to the 200th anniversary of the birth)

Elena Yu. Gejmbukh

Moscow City University, Moscow, Russia, gejmbuh@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2129-9876>

Abstract. The paper examines the narrative structure of the epilogue to the novel "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky. The aim of the study is to describe the techniques employed by the author of the novel to actualise his final speech. The principal methods the research employs include general scientific methods (observation, comparison, and others), general philological methods (contextological, compositional, structural, and others), proper linguistic methods (semantic-stylistic, comparative stylistic, intertextual, and others). To reveal the specific features of the epilogue, the peculiarities of the author's narration in the main body of "Crime and Punishment" were taken into consideration. In the first place, they are the "telling", dialogical nature, the presence of the author's final speech. The comparative-contrastive study of the two parts of the epilogue in contrast to the rest of the novel facilitates the determination of the narration uniqueness in the epilogue. The subjective and chronotopic organisation of the final part of "Crime and Punishment" makes the tale move to a different level: the Christian system of coordinates becomes the world view basis of both the author-narrator and the protagonist (lifetime is measured in terms of church holidays, the "mundane" chronotope is replaced by the "Christian" one). The author's voice in the epilogue is expressed both indirectly and directly, with the help of ironic and dialogic contexts. The author's stand is manifested in the choice of words as well as in various symbolic details, and numerous references to the preceding contexts, and in the intertextual links of the novel.

Keywords: Dostoevsky, "Crime and Punishment", epilogue, narrative structure, author's final speech, "Christian chronotope", intertext

For citation: Gejmbukh E. Yu. The specific features of the narrative structure of the epilogue to F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" (to the 200th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 6. P. 66–72. (In Russ.). DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-66-72.

Введение. Специфика эпилога романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» давно привлекала внимание исследователей и в связи с несоответствием классическому/стандартному эпилогу, и в связи с большой значимостью в идейно-содержательной структуре произведения (из последних работ см., например: «Эпилог как финал романа Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание"» [Горбанева 2017], «Семантика и функция афоризма "Победи себя и победишь мир" в произведениях Ф. М. Достоевского» [Кавацца 2020], «"Воскресение" и "воскрешение" в романе Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание"» [Тарасова 2020] и др.). Если обычный эпилог — это развитие действия после развязки сюжета, то в эпилоге «Преступления и наказания» происходит настоящая — психологическая — развязка (воскресение Раскольникова), и только так сводятся воедино и завершаются все линии в романе.

Эпилог в «Преступлении и наказании» можно рассматривать и как демонстрацию всех типов повествования в романе, в том числе как выражение завершающего авторского слова.

Анализ. Автор-повествователь в «Преступлении и наказании», который иногда представлен местоимениями 1-го лица, нигде не говорит о себе как о создателе текста, а только как о **рассказчике**. Это значимо для Достоевского, поскольку семантика рассказывания — подчеркивание достоверности происходящего [Атарова, Лесский 1976], хотя автору третьего лица повествования вообще и романа «Преступление и наказание» в частности свойственно всезнание [Атарова, Лесский 1980]. Иначе говоря, свободная смена типов повествования дает возможность автору, с одной стороны, вести рассказ с точки зрения персонажа (что мотивирует передачу нюансов мыслей и чувств), а с другой — раскрывать читателю такие мотивы поступков героя, о которых он сам и не подозревает, а также предварять грядущие события.

Характерное для повествовательной манеры Достоевского **диалогическое повествование** — один из способов организации текста, когда читатель не замечает «указующего перста» автора, а иногда и «завершающего» авторского слова, которое может быть почти таким же экспрессивным, как и слово героя. Взаимодействие авторского и персонажного слова в одном контексте (несобственно-прямая и несобственно-авторская речь), постоянное «переключение» точек зрения приводят к ощущению «равноправия» слова автора и слова героя. И хотя формальные признаки «равноправия» есть и в конце романа, Достоевский концентрирует в эпилоге такие способы ведения повествования, которые не оставляют сомнений в том, каково авторское «завершающее» слово.

Две части эпилога представляют собой разные типы повествования: в первой Раскольников является объектом изображения (классический эпилог с рассказом о событиях после развязки, в «Преступлении и наказании» — после того момента, когда герой «донес» на себя), а во второй автор как бы сдает свои позиции в пользу героя, и большая часть эпилога написана с точки зрения героя, как и остальной роман.

Однако и первая часть эпилога, которая сначала кажется классической формой третьего лица повествования всезнающего автора, на самом деле достаточно разнородна: она насыщена рефлексиями иных сознаний.

Начинается эпилог с именительного темы: *Сибирь*. Таким образом формируется новая (по сравнению с основной частью романа) пространственная и временная точка отсчета: *На берегу широкой, пустынной реки стоит город... в городе крепость, в крепости острог*¹. Далее повествование переходит из настоящего в прошлое: рассказывается, что произошло за полтора года после

¹ Здесь и далее текст цит. по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 423 с.

совершения преступления и за девять месяцев жизни Раскольникова в остроге.

Отметим, что начало эпилога коррелирует с началом романа: на первых страницах вплоть до того момента, когда Раскольников представляется старухе-процентщице, автор называет его *молодым человеком* (что создает ощущение, будто читатель вместе с автором знакомится с героем), а в начале эпилога — *ссылно-каторжным второго разряда, преступником, подсудимым, обвиненным*. Здесь функции отстранения от героя иные: это указание на чужую точку зрения, на людей, для которых Раскольников лишь некая социальная роль. И как только рассказ о суде и приговоре завершается, этот номинативный ряд сменяется другими обозначениями: на фоне авторского именованного (*Раскольников*) появляется *Родя* (точка зрения матери), *брат, несчастный брат* (позиция Дунечки); интересно, что во фрагменте «от Сони» встречается только *он*, что связано, вероятно, с непроясненностью их отношений. Получается, что вся первая часть эпилога — это Раскольников глазами людей, так или иначе принимающих участие в его судьбе. При этом все точки зрения не только включены в авторский монолог, но и акцентированы таким образом, чтобы направить восприятие читателя в нужное русло.

«Протокольное» изложение событий (*Судопроизводство по делу его прошло без больших затруднений. Преступник твердо, точно и ясно поддерживал свое показание...*) очень быстро сменяется заинтересованным авторским, на которое указывают различные эгоцентрики (определение горизонтов ожидания: *можно было ожидать*; вводные слова: *одним словом, между прочим, может быть, кроме того*; притяжательное местоимение 1-го лица: *в наше время*; эмоционально-оценочные характеристики: *чрезвычайно, новейшая модная теория, величайшая досада, всего только* и др.). Отметим, что внимание автора направлено не на действия Раскольникова, о которых читателю известно из сюжета, а на восприятие некоторых подробностей произошедшего *следователями и судьями*. Люди, выносящие Раскольникову приговор, не могут понять, почему преступник не воспользовался похищенным, почему даже не заглядывал в кошелек, и приходят к выводу

о *временном умопомешательстве*. Здесь на первый план выступает явная ирония автора: «поведение героя на суде... решительно противоречит признакам временного помешательства» [Тихомиров 2005: 424]; кроме того, *защищавшие это мнение* досаждают на *грубую точность* ответов Раскольникова, в том числе и о *чистосердечном раскаянии*. Таким образом, *невероятным* оказывается не поведение Раскольникова на суде, а судебские теории/шаблоны («цель преступления — корысть, преступник лжет и изворачивается»), которые делают невозможным понимание иных мотивов преступления и иного поведения.

Слово *помешательство* переходит в следующий фрагмент текста, где прямо характеризует состояние Пульхерии Александровны, которая то была погружена в *угрюмое, мрачное молчание*, то *начинала вдруг говорить... о своем сыне, о своих надеждах, о будущем...* Достоевский называет *фантазиями* мечты Пульхерии Александровны, однако весь фрагмент, дающий описание с точки зрения Дуни, пронизан сочувственным отношением к матери, которой *фантазии* помогают хоть на время забыть об *ужасной судьбе сына*.

А вот «фантазии» Дунечки и Разумихина пронизаны легкой иронией, которую подчеркивают патетика высказываний (*Дуня поклялась, пламенные удостоверения*), непроясненность сроков *новой жизни* (*в будущее... три-четыре года... переехать в Сибирь* — ср.: *через пять лет переселиться*) и условий и времени *счастливой будущности* (*поселиться в том самом городе, где будет Родя* — ср.: *когда он выйдет из каторги*), сама скорость возникновения планов на будущее (*составлялись поминутно*).

Последние страницы первой части эпилога посвящены описанию *каторжной жизни Раскольникова* в изложении Сони. Отметим, что письма ее сначала даны в восприятии Дуни и Разумихина, которые искали в посланиях с каторги то, что было свойственно им самим и над чем иронизировал Достоевский: *Тут не было ни изложения собственных надежд ее, ни загадок о будущем, ни описаний собственных чувств... его душевного настроения*. Тем не менее многое из того, чего не увидели в письмах Сони Дуня и Разумихин, в них было: *к удивлению ее; он ото всех как бы заперся; не ожидает*

вблизи ничего лучшего, не имеет никаких легкомысленных надежд.

Хотя повествование в первой части ведется с точки зрения героев, всезнающий автор заявляет о себе достаточно явно, например в комментариях по поводу желания Сони сопровождать Раскольникова (*Об этом никогда ни слова не было помянуто между ею и Раскольниковым; но оба знали, что это так будет*), в указании на то, о чем в своих письмах умалчивает Соня (*не упоминала только, что чрез нее и Раскольников получил покровительство начальства, что ему облегчаемы были работы*).

Таким образом, первая часть эпилога в целом соответствует его назначению, а повествовательная структура, хотя и построена на тех же принципах, что и в основной части романа, лишена своей главенствующей составляющей — повествования с точки зрения Раскольникова.

Вторая часть эпилога при всей ее внешней близости основному повествованию и первой части построена на других принципах. Во-первых, хотя события эпилога завершают сюжет, акцентные изображения меняются: читатель видит не «преступление и наказание», а **греховное заблуждение и воскресение**. Во-вторых, меняется хронологическая структура текста: если в основной части романа редко появляется **христианский хронотоп**, то «в Эпилоге ход времени строго ориентирован в христианской системе координат» [Тихомиров 2005: 430]. Кроме того, меняются ориентиры, та система, в которую включены герои: если в основной части романа персонажи «живут в прямой соотнесенности с целым миром, с человечеством, и не только современным, но и прошлым и будущим» [Кожин 2000: 157–158], то во второй части эпилога происходит выход за пределы/границы исторического бытия человечества к **вечным сущностям**.

Рассмотрим, каким образом названные особенности второй части эпилога реализуются в повествовательном монологе.

Если в первой части эпилога повествовательные фрагменты разделялись по субъекту сознания, то практически вся вторая часть написана с точки зрения Раскольникова, хотя и в ней ясно слышен направляющий голос автора.

Укажем на наиболее яркие проявления авторского голоса и их функции.

Автор подчеркивает отстранение героя от теории, от того прошлого, которое изначально было *внешним*, чуждым ему, не затрагивало сущности героя, что Раскольников наконец осознает и сам: *Всё, даже преступление его, даже приговор и ссылка, казались ему теперь, в первом порыве, каким-то внешним, странным, как бы даже и не с ним случившимся фактом* (ср.: *Он вошел к себе, как приговоренный к смерти*).

Достоевский указывает на то, что чувствует герой в самый момент преобразования: *да он ничего бы и не разрешил теперь сознательно; он только чувствовал*. Однако следующая фраза отмечает предположения о том, что в «бессознательной» жизни — и будущее Раскольникова: *Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое*. О том, по какому пути будет развиваться сознание героя, пишет Е. Г. Новикова; опираясь на фразу о Евангелии (*он взял его машинально*), исследователь утверждает, что в будущем Раскольникова ждет «истинный контакт... с великой книгой христианства»².

Автор заглядывает в будущее своего героя (ближнее и дальнее): *Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь* (автор смотрит со стороны, но видит не только лица); *В начале своего счастья, в иные мгновения, они оба готовы были смотреть на эти семь лет, как на семь дней. Он даже и не знал того, что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом...* Интересно, что без этих комментариев читатель воспринимает воскресение Раскольникова именно как искупление его страданий, которыми и «куплено» возвращение к жизни; однако оказывается, что реальная плата — *великий, будущий подвиг* — для героя еще впереди.

² Новикова Е. Г. Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангельский текст и художественный контекст: дис. ... д-ра филол. наук. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 135.

Автор подводит итоги своему роману: *теперешний рассказ наш окончен*. Итак, автор-повествователь настойчиво подчеркивает окончательный отход Раскольникова от его греховного заблуждения и указывает на воскресение героя, которое является залогом *новой жизни*. Обратим внимание на то, что если автор расставляет акценты на знаковых этапах возрождения Раскольникова к жизни, то в дискурсе героя демонстрируется сам процесс этого возрождения.

Первый фрагмент второй части эпилога посвящен осознанию Раскольниковым *на свободе* своей теории и своего преступления, которое он видит *только в том, что не вынес его и сделал явку с повинною*. Только это и заставляет его *стыдиться* и страдать. В несобственно-прямую речь автора в начале второй части включены три восклицания Раскольникова, которые указывают на его душевное состояние: невнимание к внешним условиям каторжного существования (*о! что ему было до всех этих мук и истязаний!*), уверенность в справедливости своей теории (*О, как бы счастлив он был, если бы мог сам обвинить себя!*), отсутствие раскаяния (*О, он бы обрадовался ему!*). На то, что восклицания принадлежат дискурсу героя, указывает включение такого же восклицания в прямую речь Раскольникова: *О отрицатели и мудрецы в пятачок серебра, зачем вы останавливаетесь на полдороге!*

Основной пафос размышлений героя — упреки в адрес *какого-то приговора слепой судьбы*, по которому он не принадлежит к *право имеющим* и по которому лишен жизни, и вопрос к себе: *зачем он тогда себя не убил?* Нагнетая вопросы во внутренней речи героя (*зачем, зачем, неужели*), автор сам прямо отвечает на них: *Он с мучением задавал себе этот вопрос и не мог понять, что уж и тогда, когда стоял над рекой, может быть, предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь. Он не понимал, что это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома в жизни его, будущего воскресения его, будущего нового взгляда на жизнь*. И хотя в ответе присутствует гипотетическая модальность (*может быть, могло быть*), благодаря троекратному повторению слова *будущего*, синтаксическому параллелизму в конце предложения, расположенного в сильной позиции завершения

абзаца, это будущее воспринимается как предрешенное. Данное ощущение усиливают и многочисленные отсылки к предшествующим контекстам, и интертекстуальные связи романа: «Начало главы II Эпилога: “Он был болен уже давно...” — вполне определенно перекликается с началом главы 11-й Евангелия от Иоанна: “Был болен некто Лазарь из Вифании...” Так на финальных страницах романа исподволь начинает звучать мотив грядущего “воскресения” Раскольникова» [Тихомиров 2005: 427]. Но появляется этот мотив гораздо раньше, еще в первом сне героя: «Отметим удивительное, живущее в сокровенных глубинах души Раскольникова детское воспоминание о “сладости креста”, которое оказывается одним из первых предварений возможности воскресения героя в финале» [Там же: 110]. Получается, что как преступление совершено Раскольниковым еще до убийства (*разрешение крови по совети*), так и первые шаги к воскресению сделаны задолго до раскаяния (*«Господи! — молил он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!»*), что вполне соответствует значению фамилии героя и свидетельствует о неслучайности его возвращения к жизни.

Хотя Достоевский использует многочисленные способы указания на то, что герой не может не освободиться от ложной теории, сам Раскольников в начале второй части эпилога все еще упорствует в своем заблуждении. Однако он уже задает себе вопросы, ответом на которые становится сон о трихинах: *почему все они <каторжники> любили жизнь... дорожили ею?.. Почему его... самого не любили и избегали все?.. Почему все они так полюбили Соню?* Дополним вопросы Раскольникова еще одним: почему после признания не сбылось предсказание Сони (*Тогда Бог опять тебе жизни пошлет*)? Потому что Раскольников живет в таком же мире, какой представлен в сне о *моровой язве*: он, как всякий в его сне, думал, что в нем в одном и заключается истина, и не удивительно, что люди в таком мире не могли согласиться, что считать злом, что добром. Смещение морально-нравственных понятий приводит к тому, что Раскольников преступлением считает только нарушение *буквы закона*, тем самым ставя себя вне заповедей божьих

(не убий). Таким образом, гипертрофированное человеческое «я» становится препятствием на пути как к другим людям, так и к божественному «Ты».

Оторванность героя от мира людей автор подчеркивает с первых страниц романа: *Он углубился в себя и уединился от всех*; это чувствует и сам Раскольников: ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту. Но только на каторге это стало осознаться им как проблема: *Вообще же и наиболее стала удивлять его та страшная, та непроходимая пропасть, которая лежала между ним и всем этим людям*. Но как только Раскольников задумывается над этим вопросом, как только начинает видеть вокруг себя людей, а не безликих *тварей дрожащих*, как только он поворачивается наконец к людям, так из его сознания исчезает античеловечная теория *крови по совести*. И сразу же сердце его открывается для Сони: *что-то как бы пронзило в ту минуту его сердце; сердце его сильно и больно билось*. И возникает потребность в священных книгах (хотя он и берет Евангелие пока *машинально*). Таким образом происходит «спасение — ...переход в иное (духовное) измерение, в иное качество» [Есаулов 1998: 357, Электронный ресурс].

При этом интересно, что Достоевский нигде не говорит о воскрешении, а только о воскресении (Н. А. Тарасова подчеркивает, что «эти языковые варианты выражают значения субъектного (“воскресение”) и субъектно-объектного (“воскрешение”) действий» [Тарасова 2020: 200]). Таким образом автор еще раз акцентирует внимание на том, что воскресение/спасение/новая жизнь Раскольникову *не даром достается*, но возможны только тогда, когда он сам готов к преображению, когда исчезла теория, замещающая в его сознании мысль о Боге, когда он повернулся к людям и когда к нему возвратилась способность любить ближнего своего.

Одной из особенностей второй части эпилога называют христианский хронотоп, когда время жизни рассчитано по церковным праздникам; и не случайно само воскресение происходит сразу после Пасхи: *Шла уже вторая неделя после Святой...* (о христианском хронотопе см.: [Есаулов 1998; Тарасова

2020; Тихомиров 2005] и др.³). Иные по сравнению с основной частью временные ориентиры расширяют пространство и время, и социальное, историческое перестают восприниматься как основа миропорядка, отступая перед бытием вечным, божественным. Другими становятся и ценностные ориентиры: если раньше Раскольников сравнивал себя с Наполеоном, с другими «переступившими», то теперь готов принять веру Сони: *Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере...*

Выводы. Итак, в эпилоге происходит концентрация разнообразных способов выражения завершающего авторского слова. Сама повествовательная структура эпилога (субъектная и хронотопическая организация) выводит *рассказ* на иной уровень: христианская система координат становится основой мировосприятия не только автора-повествователя, но и главного героя. Голос автора выражен в эпилоге как непосредственно, так и опосредованно, через иронические и диалогические контексты (несобственно-прямая и несобственно-авторская речь). Позиция автора реализуется и в выборе слова (субъектное «воскресение» на фоне субъектно-объектного «воскрешение»), и в разного рода символических деталях (например, прозрачная символика выражения *уже совсем почти выздоровевший Раскольников*; сон о трихинах), и в многочисленных отсылках к предшествующим контекстам, и в интертекстуальных связях романа. Благодаря насыщенности речи героя и автора рефлексомиями иных дискурсов повышается степень спаянности различных фрагментов повествования, когда один эпизод связывается с другим множеством ассоциаций, и все они находят завершение в эпилоге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атарова К. Н., Лесскис Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35, № 4. С. 343–357.
2. Атарова К. Н., Лесскис Г. А. Семантика и структура повествования от третьего

³ Новикова Е. Г. Указ. соч.

лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39, № 1. С. 33–47.

3. Горбанева А. Н. Эпилог как финал романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 32, вып. 4. С. 27–33. DOI: 10.21779/2542-0313-2017-32-4-27-33.

4. Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 349–362 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (дата обращения: 26.05.2021). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2526.

5. Кавацица А. Семантика и функция афоризма «Победи себя и победишь мир» в произведениях Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. Т. 18, № 3. С. 113–126. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8282.

6. Кожин В. В. Роман — эпос нового времени // Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении: в 3 т. Т. 2: Роды и жанры литературы. М.: Наука, 1964. С. 97–173.

7. Тарасова Н. А. «Воскресение» и «воскрешение» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. Т. 18, № 2. С. 190–216. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7962.

8. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 484 с.

REFERENCES

1. Atarova K. N., Lesskis G. A. Semantics and structure of narration from the first person. *Izvestiya AN SSSR. A series of literature and language = News of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series*. 1976. Vol. 35, No. 4. P. 343–357. (In Russ.).

2. Atarova K. N., Lesskis G. A. Semantics and structure of a third-person narrative in fiction. *Izvestiya AN SSSR. A series of literature and language = News of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series*. 1980. Vol. 39, No. 1. P. 33–47. (In Russ.).

3. Gorbaneva A. N. Epilogue as the final of F. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities*. 2017. Vol. 32, No. 4. P. 27–33. (In Russ.). DOI: 10.21779/2542-0313-2017-32-4-27-33.

4. Esaulov I. A. Paschal archetype in the poetics of Dostoevsky. Problems of historical poetics. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publishing House, 1998. Iss. 5. P. 349–362 [Electronic resource]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (accessed: 26.05.2021). (In Russ.). <https://doi.org/10.15393/j9.art.1998.2526>.

5. Kavatsitsa A. Semantics and Function of the Aphorism "Win Yourself and You Will Conquer the World" in the works of F. Dostoevsky. *Problemy istoricheskoi poetiki = Problems of historical poetics*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publishing House, 2020. Vol. 18, No. 3. P. 113–126. (In Russ.). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8282.

6. Kozhinov V. V. Novel — the epic of the new time. *Teoriya literatury: osnovnye problemy v istoricheskoy osveshchenii = Theory of literature: the main problems in historical coverage*: in 3 vol. Vol. 2: The genres and genres of literature. Moscow: Science, 1964. P. 97–173. (In Russ.).

7. Tarasova N. A. "Voskresenie" and "voskreshe-nie" in Fedor Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". *Problemy istoricheskoi poetiki = The problems of historical poetics*. 2020. Vol. 18, No. 2. P. 190–216. (In Russ.). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7962.

8. Tikhomirov B. N. "Lazar! come out". F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" in a modern reading: a book-commentary. Saint-Petersburg: Silver age, 2005. 484 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Юрьевна Геймбук, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и методики преподавания филологических дисциплин, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет

Elena Yu. Geimbukh, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines, Institute of Humanities Sciences, Moscow City University

Статья поступила в редакцию 03.07.2021; одобрена после рецензирования 01.08.2021; принята к публикации 15.08.2021.

The article was submitted 03.07.2021; approved after reviewing 01.08.2021; accepted for publication 15.08.2021.